

Чайковский П. И.

Музей в Клину

24/888

...Одна за другой мелькают станционные вывески. Крюково, Поваровка, Радищево, Сенеж, Фроловское. И вот, наконец, конечная станция — Клин.

Сов. культура. - 1988. - 27 сент.

Как хорошо, что мода менять название не коснулась этого уездного подмосковного городка и никому в голову не пришло его переименовать. Ведь и так все знают, что Клин — город Чайковского. Разве такая память не дороже?

«Я нанял дом для будущего житья... Дом большой и удобный. У меня будут там чудесные комнаты, свой небольшой сад», — писал Чайковский в одном из писем 1892 года. В этом доме Петр Ильич провел лишь 17 месяцев, но навсегда остался его хозяином. Он был не владельцем его, а нанимателем у клинского мирового судьи Сахарова. Петр Ильич присмотрел дом у заставы, когда жил в нескольких верстах отсюда, во Фроловском, в поместье помещиков Паниных. В поэтичных местах «тихого и ни с чем не сравнимого восторга, который внушает природа», ему хорошо работалось. Здесь, в Подмосковье, были созданы «Чародейка» и «Спящая красавица», «Щелкунчик», инструментована написанная во Флоренции «Пиковая дама». И уже в клинском доме, порою которого Чайковский переступил 5 мая 1892 года, родилась гениальная Шестая симфония. Из клинского дома он уехал в Петербург, откуда и разнеслась внезапная страшная весть о смерти композитора...

Время отодвинуло городскую черту, но сохранило старый парк. Двухэтажное серое здание едва различимо за густой листвой. Дорожка ведет к клумбе с георгинами и астрами, окружающими тот самый «небольшой сад», о котором писал Чайковский, — он запечатлен на единственной клинской фотографии, сделанной при жизни композитора.

Мы проходим в дом, поднимаемся по крутой деревянной лестнице на второй этаж. Гостиная. Фотографии на стенах развешаны так, как при жизни композитора. Рояль. Письменный стол. Книжные шкафы.

Музей уникален. Идея его создания возникла сразу после смерти Чайковского. Благодаря заботам младшего брата композитора Модеста Ильича, слуге Алексею Сафонову, на чье имя был приобретен дом, любимому племяннику Владимиру Давыдову до нас дошла в неприкосновенности обстановка клинского дома, богатый рукописный архив. Основанный в 1894 году, он стал первым в России мемориальным музыкальным музеем.

Семья Чайковского и позже играла немалую роль в сохранении памяти композитора, изучении его творчества, в жизни музея. Здесь работал уже в послереволюционные годы племянник Петра Ильича Юрий Давыдов, а позже — внучатые племянницы Ксения Давыдова и Ирина Соколинская.

— Я же десять лет не работаю в музее, — тон, которым встречает меня Ксения Юрьевна Давыдова, несмотря на ее почтенный возраст, непреклонен. Но я-то знаю, что, уйдя в возрасте семидесяти пяти лет на пенсию, она не только сохраняет связь с музеем, но и активно продолжает трудиться. Разговорилась.

— Да, я сейчас тружусь над томом неизданных писем Чайковского. Приходится много переписываться, поддерживать связь с зарубежными антикварами. Разыскала около ста новых писем разных лет — ранние, 80-е, 90-е годы. Стали известны новые адресаты. Ведь Чайковский очень много переписывался. У него богатейшее эпистолярное наследие. Как-то он сделал такую запись: «Сегодня написал 18 писем». Восемнадцать! А я тут и двух никак написать не могу. Да, годы, конечно, уже не те...

Мы еще долго, долго разговариваем. Об оперной студии в киевской квартире Юрия Да-

ДОРОГА

выдова. О том, как их, маленьких девочек, возили в знаменитую тогда Киевскую оперу, где директором был их отец. О том, что не звучат многие произведения Петра Ильича у него на родине, тогда как все ширится интерес к творчеству русского гения за рубежом. О забвении многих культурных традиций, имен, памятных мест.

Я выхожу из тесной квартирki Давыдовой на улицу, носящую имя Танеевых. Она выводит меня на пустырь. Здесь — полуразвалившееся здание без крыши, с порушенными балками и заржавевшей табличкой: «Охраняется государством». Вблизи от дома — роща, дойдя до которой, понимаешь, что это бывший парк. Это и есть Демьяново. Вот и старое кладбище с превратившейся в руины замечательной Успенской церковью. С трудом разыскиваю могилы семьи Танеевых, среди которых — могила Владимира Ивановича Танеева, известного социолога, общественного деятеля, которого Карл Маркс назвал преданным другом освобождения народа. Ему и принадлежала с 1893 года усадьба, которая некогда представляла собой не только характерный образец подмосковной архитектуры, но и была связана с именами выдающихся деятелей русской культуры, науки. В разное время здесь бывали Державин, Пушкин, Аксаков, А. Васнецов, брат Владимира Ивановича Сергей Танеев, Скрябин, многие другие. Бывал здесь Чайковский.

— Еще недавно в Демьяново по пояс бурьян рос, невозможно было даже в парк войти, кругом — горы мусора, — рассказывает директор музея Чайковского Галина Ивановна Белонич. — Сегодня же благодаря усилиям горожан, работавших здесь по пятницам, скошен бурьян, вывезен мусор, расчищен от сухостоя парк, стал виден пруд... Усадьба Демьяново пока остается бесхозной. Самое разумное и естественное — создать на базе существующего Дома-музея П. И. Чайковского и усадьбы Демьяново музей-заповедник или музейное объединение. Создать музей в Демьянове гораздо легче, чем в других местах: ведь сохранились здания и парк, которые необходимо отреставрировать, сохранился большой фонд Танеевых — мемориальные вещи, книги, фотографии, изобразительные материалы, рукописи. Он был перевезен в 20-е годы в целях сохранности в музей Чайковского и ныне находится у нас. Е. П. Танеева, внучка В. И. Танеева, другие его родственники готовы отдать в буду-

щий музей имеющиеся у них реликвии. Около 50 этюдов А. Васнецова, написанных им в Демьянове, могут поступить в музей от родственников художника. Конечно, на реставрацию усадьбы и создание музея потребуются время и немалые средства. Но уже в следующем году Главное управление культуры Мособлисполкома выделяет на реставрацию ее построек 100 тысяч рублей.

По контрасту с печальной судьбой Демьянова, судьба Дома-музея Чайковского кажется просто счастливой. Нет здесь и таких проблем, как, скажем, в Ясной Поляне. И хотя во время войны наиболее ценную часть фондов пришлось эвакуировать, а фашисты варварски обошлись с домом и с оставшейся частью реликвий, всегда находились и энтузиасты, и средства для поддержания необходимого уровня, для восстановления. В шестидесятые годы на территории усадьбы Чайковского был построен концертный зал.

И все же на судьбе этого музея не могли

К ЧАЙКОВСКОМУ

не сказаться и годы застоя, и инерция остаточного принципа отношения к культуре. Несмотря на то, что его сотрудниками готовились такие фундаментальные труды, как полное собрание писем Чайковского, «Творческий архив Чайковского» и многие другие издания, он сохраняет статус обычного мемориального музея. Ставка старшего научного сотрудника не превышает 130 рублей! Держится этот очаг культуры исключительно на подвижниках. Специалисты подолгу не задерживаются, ведь объем работы огромный. Нужны еще и огромные усилия на реставрацию фондов. На сегодняшний день здесь свыше 160 тысяч единиц хранения, а помещений катастрофически не хватает.

Огромной популярностью пользуются выставки, организуемые «Домом Чайковского» за рубежом. Но выставки эти могли бы быть постоянными (если бы опять-таки имелся необходимый штат) и приносили немалые валютные средства. А валюта обеспечила бы участие в аукционах, пополнение фондов.

Дом в Клину знают во всем мире. Но соответствует ли он своей мировой известности, значению для отечественной музыкальной культуры творчества великого музыканта? Разве не может он стать мировым центром Чайковского?

Я вспоминаю Галле, небольшой промышленный город ГДР. Здесь находится генделевский музей и Генделевское общество, объединяющее людей всего мира, которые приезжают сюда на регулярно проводимый и получивший всемирное признание фестиваль. Галле — центр изучения музыки Генделя, издающий свои труды. Неужели Чайковский не заслужил на своей родине такого же внимания? Неужели не прошло то время, когда подсказки из-за рубежа? Пока, похоже, дела обстоят именно так. Многие страны отмечают у себя, например, юбилей первых исполнений сочинений Чайковского (а ездил и исполнял при жизни он много). Мы же оказываемся не готовыми даже к такому крупнейшему юбилею композитора, как 150-летие со дня его рождения, который будет отмечаться в 1990 году.

На празднование юбилея сотрудники музея да и все почитатели творчества Чайковского возлагают немалые надежды. Уже сейчас в связи с этим готовится ряд мероприя-

тий. Одно из крупнейших — цикл «Исторические концерты», который проведет Большой симфонический оркестр Центрального телевидения и Всесоюзного радио под руководством В. Федосеева. Начнется он в концертном зале Клина, в Доме-музее, а потом программы концертов будут представлены в городах, где выступал в качестве дирижера П. И. Чайковский. Музей хлопочет при помощи Советского фонда культуры о создании Международного фонда Чайковского. Уже получено решение Совета Министров РСФСР на открытие памятника композитору на территории парка. Однако времени до юбилея осталось немного (даже памятник вряд ли успеют открыть к дням празднования), а инициатива пока исходит только от музея, к тому же она никак не организована. Многие идеи, в частности о проведении фестиваля Чайковского, расширении Международного конкурса имени Чайковского в юбилейный год, о движении за сохранение памяти Чайковского, пока ви-

сят, что называется, в воздухе. А между тем не создан даже комитет по проведению юбилея, а до него — всего год и несколько месяцев!

...«Никто не хочет свыкнуться с ужасной мыслью: его уже нет... Его уже нет!.. Чайковского все любили. Он испытал счастье общей любви. Но только смерть научает нас вполне, кем мы обладали и кого потеряли...» — писали петербургские газеты в день смерти Петра Ильича. Да, его любили. Он испытал счастье признания еще при жизни. Однако в нем жила уверенность, что настоящее его признание впереди: «Если я постоянно нахожу нужным говорить музыкальным языком, то, разумеется, нужно, чтобы меня слушали, и чем больше, чем сочувственнее круг моих слушателей, тем лучше. Я бы желал всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих ее, находящихся в ней утешение и подпору».

Испытывает ли сегодня Чайковский счастье общей любви? Распространяется ли его музыка? Увеличивается ли число людей любящих? Конечно. Но не примешивается ли к нашему уверенному утвердительному ответу доля некоторой неловкости?

Да, «Евгений Онегин» — один из самых репертуарных спектаклей в оперных театрах. Однако так ли часто идет гениальная «Пиковая дама»? Не говоря уже о других операх Чайковского, даже таких, как «Орлеанская дева», «Чародейка», «Черевички»? А часто ли исполняются, скажем, Вторая и Третья симфонии Чайковского? Недавно прозвучали по телевидению все симфонии благодаря усилиям Евгения Светланова. Замечательное деяние! Однако этого так мало в сравнении с подлинным значением музыки Петра Ильича Чайковского. Это только маленькие тропки. А пора проложить просторные дороги. Дороги к Чайковскому. Конечно, одним празднованием юбилея положения не исправить. Но сделать можно многое. Так давайте же!

В. КОЛОСОВА.
(Наш соб. корр.)

Редакция сообщает номер счета, по которому можно каждому желающему перевести средства на воздвижение памятника Петру Ильичу Чайковскому в парке его музея в Клину: счет № 142960 Клинского агропромбанка Московской области.